

Музей – моя Голгофа

Начав с картины «Ленин в Горках», Валерий Карпов собрал беспрецедентную коллекцию европейской графики

Наталья ПОДКОРЬТОВА

«Когда никто особо не думал, что гравюра ценна, когда её было достаточно много, и она стоила копейки, он смог оценить и представить, что в таком городе, как Ирбит, может быть музей, который займет фундаментальное место на культурной карте России, станет явлением национального масштаба. Подобных музеев мало, они все на виду. Например, «Альбертино» в Вене. И несмотря на то что по фондам Ирбиту пока с ним не тягаться, его экспозиционная деятельность, интенсивность вполне сопоставима».

Слова принадлежат Андрею Гамлицкому, научному сотруднику НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств. Адресованы они директору и основателю Ирбитского государственного музея изобразительных искусств Валерию Карпову. Он гениальный собиратель, тончайший знаток сложнейшего из искусств и очень неудобный человек...

— На праздновании юбилея музея вас назвали ярким эгоцентристом. А это качество свойственно или художникам, или гениям. Вы — не художник...

— Не гений! Но Господь в меня «плюнул»... Экстрасенс однажды сказала: «У всех ангел-хранителей над головой, у вас аура, над которой рука Господа». Я скептически к этому отношусь, но чем черт не шутит. Может, действительно, господь наталкивает на все мои удачи. Я считал себя хорошим музейщиком и классным специалистом. В Эрмитаже говорили: «Искусствознание — не сумма знаний. Это целая система знаний, умноженная на сумму твоих взглядов и обобщений с подлинниками. В этом умножении и кроется твоя личная система искусствознания».

— В чем очарование подлинника? Почему лучше однажды его посмотреть в глаза, чем сто раз удовольствоваться репродукцией в альбоме?

— Сейчас в музее выставка факсимильных оттисков знаменитых полотен. Роскошное качество, сохранены размеры, лазерное сканирование, цвет максимально точный. Но живого трепета не вызывает. Может, это свойственно музейщикам. У детей дикий восторг: «Мы видели «Джоконду». Полное ощущение оригинала».

— Личная встреча с Моной Лизой, которую видели практически «без одежды», не разочаровала в шедевре?

— Нет! В 1974 году в Москве я присутствовал при распаковке картины. Она была без стекла в трех метрах от меня. Помню ощущение: та самая доска с гениальной живописью. Каждую трещинку видел. Потом успокоился, абстрагировался, солнце двигалось, менялось освещение, и менялось выражение её лица. Казалось, не ты — она на тебя смотрит, спрашивая, кто ты такой, что на меня смотришь.

— В 1972-м в Ирбите открылся выставочный зал, а в 1975-м вы уже беседовали с великим Пиотровским — директором Эрмитажа...

Валерий Карпов: «Когда я поднимаюсь по лестнице Музея гравюры, в голове звучит fuga Баха»

с великим Пиотровским — директором Эрмитажа...

— Еще с Борисом Борисовичем, академиком. Шел на встречу — внутри всё трепетало, дрожало, сердчишко ёкало. Как смелости хватило? Он расправил о музее, о городе. Я напомнил, что ломоносовский фарфор, этрусские, древнегреческие вазы хранились в эвакуации в Ирбите. Сейчас бы я не посмел обратиться. А тогда попросил поделиться фондами. Заведующая отделом Запада Ирина Новосельская подобрала 92 листа гравюры XVII-XIX веков. Все шедевры. Из десяти работ живописи самый замечательный — «Портрет Инфанта Изабеллы» Ван Дейка. В Эрмитаже он числился копией, был в плохом состоянии. Отдали струдом, сказав: «У нас до него руки не дойдут, вы отреставрируйте, и будет хорошая вещь». Авторская живопись оказалась почти нетронутой, что позволило сделать реатрибуцию. Так началась коллекция.

— Через четверть века её признали национальным достоянием. Смог ли музей за десятилетия обогатиться культурным ландшафтом города?

— Думаю, да. В начале 70-х понимающих искусство и хоть что-то видевших была мизерная прослойка. Сейчас сложился слой горожан, бывающих у нас постоянно. Я всегда чувствовал — городу нужно нечто значительное, что объединит всю культуру, придаст ей высокий уровень. И случай позволил создать художественный музей, задающий эту планку. Радует, что в других местах ирбитчане выгодно отличаются, рассказывают о городе и, буди его патриотами, приезжают на выставки, привозят друзей. Мы разработали программу для детсадовцев, которые буквально бегут в музей. Экскурсии для них — загляденье! Они будут удивляться к 11-му классу. Надеюсь, удастся вырастить поколение с другим мышлением, с другими ценностями. Тогда и город иначе заживет. Тешу себя надеждой, что с зануком Музея гравюры и рисунка сюда поедет турист, несмотря на плохие дороги, плохой гостиничный сервис. Истинный любитель искусства доберётся до Ирбита.

— А у ирбитчан есть привычка ходить в музей?

— Во многих городах люди испытывают потребность в живом общении с искусством. У нас — проблема номер один. Ежегодно половина населения — наши посетители. Красивая цифра. Нигде в стране такой нет. Но 40 лет коллектив совершает подвиг, собирая публику. Учитывая, что в основном выставляем графику...

— Графика — слишком элитарное искусство?

— Она менее доступна, не так легко воспринимается в отличие от живописи, где цвет играет большую роль в успехе восприятия. А от нас требуют увеличения посещаемости, не понимая особенностей графики, намекают, что нечего здесь держать такую роскошную коллекцию, надо ближе к центру перевозить. Я не против филиала в Екатеринбурге, где можно делать маленькие выставки с намеком, что в Ирбите гораздо больше можно увидеть, но...

— С юбилеем вас поздравляли корифеи, директора музе-

ев с мировым именем. Кто вы для Пиотровского, для Антоновой?

— Коллега.

— На равных?

— Ну, как сказать... Не могу представить, что я с ними на равных. Всегда относился и отношусь с пиететом и глубочайшим почтением. Но и не заикался никогда. Они гуру, учителя. Мне удалось заставить старшее поколение эрмитажников, сегодня уже ушедшее. Я их, раскрыв рот, слушал, получал так много, что никакой университетский учебник не даст. Великая школа советского искусствознания и искусствознания.

— Вы же из семьи военных. Откуда появилась такая любовь к искусству?

— Наверное, гены. Отец хорошо играл на гитаре, великолепно пел романсы. Его старший брат, пропавший на Дальнем Востоке в 1918 году, отлично рисовал, выпивал изысканные вещицы. Была в семье какая-то любовь к искусству. Как-то мне погадали: в VI веке в Болгарии был «разбирательство надписей на древних камнях». Археологом.

— В школе сначала была любовь к литературе, благодаря Галине Юлиановне Горбуновой, в 9-м классе появился интерес к искусству. Дома висел средне-европейский пейзаж (пруд, деревья, кулисы уходят, смурное небо) с пулей пробитой. Во время войны подарил его отец солдат, бывший студент Академии художеств. Он писал копии с открыток известных художников, которые тоже отец привез. Они меня мало интересовали, а пейзаж привлек: подпись «Иозеф Альфредингер» разглядел. 1916 год. В библиотеке ничего не нашел, но обнаружил несколько интересных книг: тогда больше привлекала детективная сторона — как подделывали, как воровали полотна. Параллельно читал про Леонардо, про картины. Это пробудило интерес. И в сочинении про то, кем быть и что сделать для родного города, написал: «Хочу стать музейным работником, создать музей и собрать лучших художников мира». Не знаю, откуда взялось, кто надоумил. Может, и правда, как говорят, Господь в этот момент в меня «плюнул». Я даже не знал слова «искусствознание».

— И поэтому пошли в юридический?

— Отец настаивал: «Тебя что, эти картины кормить будут?» Юрист — настоящая профессия. До армии шел на искусствознание, но наставил лишиних запятых и получил двойку. После армии в юридический поступил. Тем более, что пришел с медалью «За воинскую доблесть». Год проучился на очном, год на заочном, поработал юристом-

претензионистом, и это меня напрочь отвратило от юриспруденции. Уже став директором выставочного зала, поступил на искусствознательский. Но не закончил: не удовлетворял уровень знаний, которые тогда там давали.

— Ваши университеты, выходит, не факультет искусствознания, а реальная жизнь музеев?

— Да. И только так можно стать настоящим музейщиком. У меня нет диплома. Два курса университета и реальная практика. Плюс самообразование: литература по музейному делу и мировому искусству проштудировал.

— Но как вам, на тот момент необразованному, молодому, партия поручила идеологический объект?

— Наверное, доверяли. Председатель горисполкома был наслышан о моей хорошей библиотеке по искусству. Говорили про Леонардо, Репина, Рафаэля. Поимал меня на слово. Сказал: «Берись. Поможем. Верим в тебя. У такого отца не может быть плохого сына. Сможешь». Так я стал заведующим выставочным залом.

— Власть в прежние времена благоволила к культуре?

— Конечно. Если б не советская власть, музея не было бы: городу с населением меньше 150 тысяч не полагалось иметь зал. Сработало письмо горкома и обкома партии министру культуры РСФСР, наши материалы, афиши. Перед 7 ноября 1973 года дали добро на существование зала как филиала картинной галереи Свердловска. Финансировали стабильно: если денег не хватало, на будущий год утверждали больше, в течение года не хватало — находили.

— А сегодня музей, кроме вас, кому-то нужен?

— Точно — художникам. И не только уральским. Заинтересованному ирбитскому зрителю. Власть? Не берусь утверждать, но выгодно выглядеть на фоне музея — им приятно. В советское время было лучше не только с финансированием, но и с человеческим отношением. Нынче ты всего лишь винтик и постоянно доказываешь свою необходимость, всегда над тобой дамоклов меч срочного договора. Как марionетка на ниточке висит, связанный по рукам и ногам. Я мог бы делать, имея связи со всеми музеями мира, массу интереснейших программ.

— Когда видите уникальный лист графики и понимаете, что он никогда не станет вашим...

— ...стараясь не смотреть, чтобы сердце не рвать. Я хожу в те частные коллекции, где можно что-то в дар попросить, приобрести. Если не удается — очень тяжело. Мне, видимо, даровано видение. Особенно графики. Среди антикварногохлама в секунду находил шедевр. Когда первого Рембрандта хозяин согласился продать, дал поддержать, тряслись руки, говорить не мог. Дикое волнение — держать лист в три столетия, в пять. На ладонях не Дюрер или Рубенс, а масса эпох, стран, войны, пожары, катаклизмы, лист прошел через столько рук, что сохранился — уже чудо. Этим восторгаешься, и чувство не пропало. Со временем начинаешь спокойно к вещи относиться, но первый раз... Я делаю все, чтобы шедевр не ушел. Думаю, чем можно временно пожертвовать, что передвинуть. Главное — успеть поймать!

— На свои покупали?

— И не раз.

— Деньги — что?

— Необходимая реальность и средство для достижения цели. Я не стяжатель. Готовлю устав некоммерческого фонда «Музеум», в основу которого ляжет капитал, который потихоньку собираю. Он будет проводить акции, зарабатывать средства на музей, учредит премию «За выдающиеся заслуги в музейном деле».

— Вы делите окружающие вас сокровища на музейные и личные?

— Дома есть небольшое собрание, составленное из подарков, но я не собираю коллекцию. У меня нет наследников, рано или поздно все попадет в музей. Это гарантия сохранности. Настоящий музейщик (и это я воспринял от старых

эрмитажников) не имеет права на личную коллекцию. Они настаивали: «Дома имей только подаренное и обязательно с дарственной надписью, чтобы не обвинили, что обошел музейный интерес».

— Про вас и ваш характер ходят легенды — неудобный, скандальный, маниакальный, взрывчатый...

— ...давно уже не взрывчатый... —И все же... Он вам самому мешает жить?

— Где-то мешает, где-то помогает. Молодой бегал, орал, левой ногой открывал многие двери. От того уже ничего не осталось. В министерстве культуры давно байка живет — «Карпов приехал, спасайся кто может». Проще отдать мне, чем отговаривать. Я давно уже не тот, успокоился. Местами жесткий. Но не деспот. Я требую точного исполнения всех своих распоряжений. Спрашиваю строго. Но в этом и заключается забота об успехе музея. Не для меня лично.

— Я думаю, будь у вас другой характер, в Ирбите так бы и остался выставочный зал, и не появился музей европейского масштаба?

— По большому счету, да: если бы был стоворчивым и покладистым. В Эрмитаже и в ГМИИ видели упорство мое, желание. Видимо, под влиянием напора молодецкого помогал. Самоуверенности не было, как и страха. Скорее двигало любопытство: смотрел, как все у них устроено — светильники, штанкетаж. Взять в руки графический лист — тоже искусство.

— Графику берёте только в белых перчатках?

— Можно и без. Но руки надо тщательно вымыть.

— Я представляю вас кем-то вроде сокровищаря, который, видя свои сокровища, не имеет от счастья обладания ими. Часто спускаетесь в фонды, перебираете папки?

— Все реже. Кучу времени съедает административная возня. Я не уверен, что пока ещё музей сможет без меня, что ему не сломают хребет. Еще не переидет рубикон, после которого я перестану беспокоиться. Надеюсь дожить до этого момента.

— Но он хотя бы виден?

— Думаю, это 2013 год, когда откроем здание на Карла Маркса. Сейчас ещё можно увезти наши шедевры куда угодно, реорганизовать музей. Когда коллекция станет общественным достоянием в виде постоянной экспозиции Музея гравюры и рисунка, уникального и единственного в стране, тогда её уже не изымешь.

— Момент наивысшего напряжения часто испытываете?

— Когда просит провести экскурсию. После окончания основной толпа убежит в автобуса, а кто-то задержится и полупешотом скажет спасибо. И все. Это «спасибо» стоит дьявольски дорого. Больше ничего не надо. Это восторг и радость души, я готов еще миллион раз пройти по музею, делиться всем, что есть в душе, башке, фондах.

— Многие, не раз задумывались, что будет с музеем после вас. Недавно вы представили преименка. Он в детстве, проходя через музей, мечтал работать здесь. Хотя бы дворником.

— И никогда не думал, что станет научным работником. Наблюдаю за ним восемь лет: каждое замечание берет на заметку, старается перенять все, что я могу ему дать. Конечно, мозги по-другому заверчены, он никогда не будет мыслить, как я, но будет понимать, как я. Дай бог, чтобы ещё лет пять вместе поработать.

— На что жалко время?

— На все, что не связано с музеем. Сплю мало. Ложусь, а в голове всё крутится вокруг музея, утром с ним просыпаюсь. Музей — моя Голгофа.

Закончу словами того же Гамлицкого: «Глядя на Карпова, любой человек должен подумать: что я вообще в жизни сделал? И всё ли, что мог и хотел. И не зря ли живу, и сделал ли вообще что-нибудь? Без таких, как Карпов, земля бы вертелась не так быстро, душа была бы тяжелее. Таких людей много не рождается».

ДОСЬЕ «ОГ»

Валерий Андреевич КАРПОВ
Родился 22 мая 1949 года в Швейднице (Польша) в семье офицеров Советской армии.

С 1954 года живет в Ирбите.
1956-67 гг. — учеба в школе.
1968-69 гг. — работал на Ирбитском мотоциклетном заводе лаборантом-металлографом.

1969-70 гг. — служба в Советской Армии.
1970-72 гг. — учеба в Свердловском юридическом институте.

В 1972-80 гг. — директор городского выставочного зала.
С 1980 по 1986 г. работал в Челябинске в «Челябметаллургстрой», в Шадринском драматическом театре помощником главного режиссера по личитаси, в Свердловском институте техобучения рабочих МЧМ СССР.

В 1990 г. принят на работу в Ирбитский городской Дом культуры методистом, затем переведен на должность директора Ирбитского музея искусств.

С 1997 г. — директор Ирбитского государственного музея изобразительных искусств.

Лауреат премии им. О. Клера и Г. Мосина, заслуженный работник культуры РФ, почетный гражданин Ирбита.

Рабочий кабинет Валерия Андреевича и в молодости, и сейчас больше похож на библиотеку

Блиц-опрос

— Скажи мне, кто твой друг?

— Абсолютных нет. А так много. Одно-го приблизить не могу. Со всеми стараюсь иметь ровные отношения.

— Не прощаете...

— ...измены и предательство искусства.

— Подарки любите дарить или принимать?

— Дарить, что-нибудь, принесу в музей — всех зову смотреть. Люблю дарить ту радость, которую человек может испытать от общения с искусством.

— Личность в искусстве?

— Великая Антонова. Ирина Александровна.

— Спорт?

— Некогда. Я бываю в музее до часу ночи. Бывает расслаблен в воскресенье. Суббота — рабочий день. беру отпуск, только чтобы взять деньги и на них поехать в командировку.

— Что глазу радостно? Кроме графики.

— Я по Лермонтову: «Проселочным путем люблю скакать в телеге и, взором медленным пронзая ночи тень, смотреть по сторонам...»

— Вы русский человек во всем?

— Да. До мозга костей.

— А когда за границей?

— Был-то всего два раза. Израиль и Германия.

— Турман?

— Да как сказать. Вкусно оно, всегда вкусно. Но особо не ганюсе. Обычно ем, что бог пошлет.

— Готовите?

— Бывает. Но особо не люблю. Кроме окрошки. Вся жизнь бы ел. Но только когда она полная — редька или редиска, лучок, мяско, сметана, чтобы ложка стояла, квасок домашний. Сам ставлю. Желательно в бочонке дубовом, чтобы был ядреный.

— Что кроме музея?

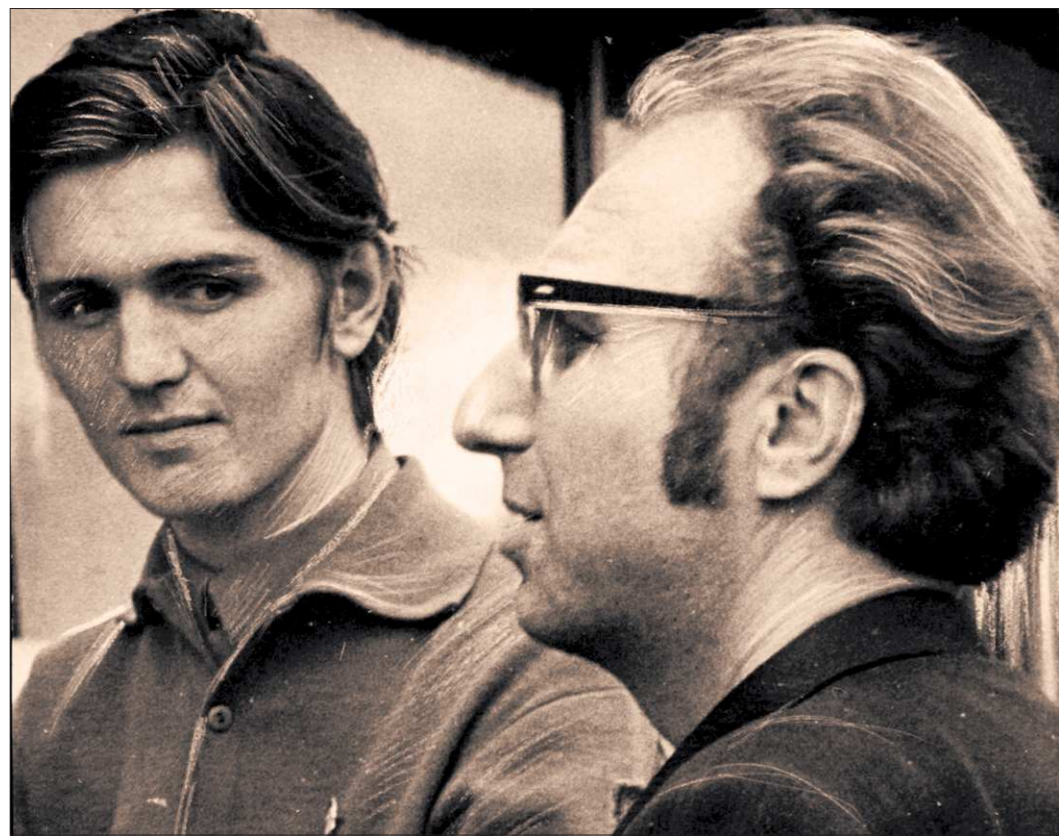
— Музыка и две кошки. Машка — музейная и Мышка — домашняя.

— Какая эпоха ближе всего?

— По ощущению человека в мире — конечно, Возрождение. Особенно Высокий Ренессанс. Леонардо, Пико делла Мирандола, Джотто, Кавчини... В России — пушкинское время. И в литературе, и в музыке.

— При всей вашей жесткости, резкости вы ведь романтик?

— Да. Чистойшей воды.

Как молоды они были с Виталием Воловичем

Личный архив Валерия Карпова

Сокровища Карпова — искусство и кошка

Личный архив Валерия Карпова